

АВГУСТ ЯКОБСОН

946
P31897

СЫН
ПАРТИЗАНА

ОГИЗ
Гослитиздат
1943

Август ЯКОБСОН

СЫН ПАРТИЗАНА

Перевела с эстонского
Л. ТООМ

Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1943

Э/897

Август Якобсон — один из популярнейших писателей Советской Эстонии. За сравнительно короткий период творческой деятельности (Якобсон родился в 1904 году, первая книга его, «Пригород бедных грешников», вышла в 1927 году) он написал несколько романов и десятки повестей и рассказов.

Один из первых в эстонской литературе, он стал изображать жизнь городской бедноты, людей рабочей окраины.

А. Якобсон — депутат Верховного Совета СССР.

СЫН ПАРТИЗАНА

Их схватили ночью по дороге из леса к деревне. Целый день пытали их в старой помещичьей винокурне, а вечером расстреляли. Они еле держались на ногах, когда их вели по улице, избитых, обливающихся кровью,— а это были люди рослые, крепкие. Но они оставались по-прежнему твердыми, упрямыми, непреклонными. Перед волостным правлением их привязали к столбам, врытым в землю, и стали ждать, пока сгоняли народ со всей округи. Один из палачей перечислил преступления партизан, потом раздалась команда и— все было кончено.

Жителей бедняцкого поселка поставили поближе к осужденным, и они молча наблюдали за казнью и так же молча разошлись. Они уже не оплакивали своих покойников, но они все запоминали,— они ждали лучших времен. А сейчас, казалось, им даже нечем было утешить невысрочного смуглого мальчика, который полными отчаяния глазами следил за казнью и теперь вслед за другими быстро шагал к деревушке, расположенной близ болота.

У выгона Антс остановился под старой плакучей березой. И тем, кто украдкой наблюдал за ним, было понятно, что ему хочется оглянуться назад, что ему сейчас очень тяжело. Свисавшие ветви березы тихонько качались над головой мальчика, и, когда он прислонился к толстому стволу дерева, ему показалось, будто и сам ствол слегка раскачивается.

Антс подождал немного и, оставшись один, медленно повернул голову. Отсюда можно было ясно разглядеть их: вот они— привязаны к столбам, и как тяжело навалились они на веревки, свесив головы на грудь, будто заснули в ожидании. Его отец стоял посредине, а те двое были Антсу вовсе не знакомы.

Впервые за весь день Антс потерял самообладание— он сжал кулаки и молча заплакал. И, продолжая сквозь

слезы глядеть на казненных, он подумал, что теперь они с бабушкой остались совсем одни.

Постояв еще немного, Антс снова зашагал. Наступал вечер; с полей неслись какие-то неясные запахи, тихий теплый ветер прошелестел в кустах орешника, по небу плыли легкие гроздья облаков, не предвещавших дождя,— путь их лежал с востока на запад. Окрестные усадьбы и роши уже тонули в серых сумерках, было около девяти часов вечера.

Углубившись в свои мысли, ставшие вдруг, как у взрослого, трезвыми, деловитыми, мальчик дошел до ольшаника, за которым начиналось болото. Вдруг он услышал, как кто-то за его спиной перескочил канаву, и, еще прежде, чем Антс успел оглянуться, его взяли под руку, и тихий, глубокий голос произнес дружелюбно:

— Добрый вечер, сынок.

Антс быстро обернулся. Человек, стоявший перед ним, был немного выше него, но широкие, угловатые плечи его, словно вытесанные из цельного обрубка дерева, дышали силой. Он был в высоких сапогах и рубаше из грубой парусины, цвет которой сливался со слегка вылинявшей августовской зеленью леса. Ветерок, дувший ему в затылок, шевелил светлые, выгоревшие космы отросших волос, которые придавали ему вид беззаботного бродяги.

— Здравствуйте, — коротко ответил мальчик.

— Ты... оттуда?

— Да.

Мужественное, обросшее щетинистой бородой лицо незнакомца оставалось спокойным, но его ярко-голубые глаза вдруг стали очень пристальными, будто он хотел своим пытливым, все подмечающим взглядом проникнуть в глубину сердца собеседника. И он произнес еще тише:

— Не падай духом, дружок! Ведь отец твой был человек мужественный, смелый. Его рука ни разу не дрогнула, нанося удар врагу, он не поколебался даже тогда, когда мы потеряли наших лучших бойцов. Ты... ты постарайся во всем походить на него.

Антс в свою очередь внимательно оглядел незнакомца, он догадался теперь, с кем имсет дело, и спросил, наконец:

— Так вы... знали его?

— Знал. Около двух месяцев мы работали вместе. Может, ты слышал, — ведь я и есть тот самый Кууск, за голову которого предлагают довольно изрядную сумму.

— Вот оно что... Значит вы тот самый Кууск... — просто сказал Антс, ощутив вдруг гордость при мысли о том,

что отец боролся под руководством такого известного героя.

А партизан нежно пожал мальчику локоть и сказал:

— Не думай, милый, что я уговариваю тебя быть бессердечным. Нет. Тех, кто нам дорог, мы никогда не должны забывать. Придет время — мы завоюем победу и устроим великую перекличку, вспомним всех, кого потеряли в нынешней битве. И тогда нам хватит времени, чтобы оплакивать своих родных и друзей... Ты вот скажи, сколько тебе лет?

— Пятнадцать, — ответил Антс.

Они уже давно свернули с шоссе и продолжали путь сквозь густую чащу леса. А когда снова вышли на открытое место, партизан остановился и сказал:

— Да, приятель, духом падать не стоит. И не забывай, что ты не одинок. Мы всегда будем иметь тебя в виду. Если тебе нужно что-нибудь сообщить нам, напиши записку и приходи к ручью возле болота. Обрати внимание на сосну с расщепленной вершиной, на стволе кора много срезана. Под корнями у нее есть углубление. Пойди, — найдешь. Обычно кто-нибудь из товарищей дежурит там. Запомнишь?

— Запомню... конечно, запомню, — растроганно проормотал Антс.

Партизан улыбнулся и махнул рукой. Мальчик очутился снова один в сгустившихся сумерках.

Трупы трех казненных партизан, привязанные к столбам, целую неделю оставались перед волостным правлением, и мальчик каждый вечер поднимался на пригорок, чтобы взглянуть на них, и только когда они, наконец, исчезли оттуда — вместе с охранявшими их немецкими часовыми, — он словно избавился от тяжелого кошмара, день и ночь мучившего его.

И тогда жизнь его превратилась в одно сплошное внимание, зоркое наблюдение за всем, что происходило кругом. Ни одна мелочь не ускользала от его взгляда. А внешне он казался обыкновенным легкомысленным, болтливym мальчишкой. Он шатался повсюду, появлялся то здесь, то там, со всеми заговаривал. Круг его знакомых расширялся с каждым днем, выйдя вскоре за околицу родного поселка. И часто глазами и ушами этого запыленного бродяжки служили люди, сами даже не подозревавшие об этом: тут он услышит одну интересную новость, там — другую. Это он дал партизанам нужные сведения о двух только что прибывших немецких танках, ко-

горыс через несколько дней взлетели на воздух; это он принес в условленное место сведения о переселении немецкого тылового штаба в здание начальной школы. Школа вскоре сгорела до самого фундамента, похоронив под своими развалинами убитых и раненых взрывом гранат господ офицеров; и, наконец, он разузнал, когда из имения должен был выехать обоз с зерном. Судьба обоза решилась на том же самом месте, где погибли два стальных чудовища.

Но сам Антс не придавал особой цены этим делам. Когда бабушка уходила к соседке облегчить душу беседой или дремала за печкой, мальчик, оставшись один, начинал мечтать о большем, о чем-то таком, что было бы видно за сотни километров. Он чувствовал себя так, будто взял на себя заботу о могиле отца, а все до сих пор сделанное им было камешками, которые он собирал на памятник отцу. Но до сих пор камешки эти были слишком мелкими, легкими, незначительными, — среди них не было ни одной настоящей, большой глыбы.

И вот Антс нашел то, что искал. В этот день он забрел в непроходимую глушь, далеко от родного поселка. Он шел через болото и, присев отдохнуть на бугорок, заметил вдруг звено самолетов, направлявшихся на запад, к заболоченным лугам. И странно, долетев до болота, где была самая непролазная чаща, самолеты один за другим пошли на посадку, исчезая за вершинами деревьев, словно падали в густые заросли.

Антс вскочил на ноги; во рту у него пересохло. От возбуждения он готов был пуститься бежать, не разбирая дороги. Он твердо знал теперь, что именно здесь и находится тайный склад боеприпасов, о котором его давно просили разузнать.

Мальчик двинулся вперед, пробираясь так осторожно, что даже сам не слышал шороха своих шагов. Вскоре он уже сидел на вершине одной из самых высоких елей, раскачиваясь на крепчайшем ветру. Он тщательно разведкал и обдумал все: часовых, видимо, немного, лучше всего повести наступление с востока, но решающий удар нанести врагу надо неожиданно в тыл, с запада!

Вечером он долго пролежал в кустах на берегу ручья, беседуя с товарищем Кууском, и описал ему все в точности, не упустив ни малейшей подробности, а в конце поделился с ним и своими стратегическими соображениями. Он был безмерно счастлив, когда командир партизан сказал ему, наконец:

— Ну, хорошо, ты все это проделал мастерски. Мы давно держали на примете тот район, но местные ребята, видимо, не сумели довести разведку до конца. Так что... завтра ночью мы эту шайку накроем.

— Завтра ночью? — переспросил Антс.

— Да. Ведь для такого важного дела придется собрать побольше народу, да и план надо разработать: как следует. Нашей здешней десятки тут нехватит.

— Да, десяти будет мало, — кивнул в знак согласия Антс.

Когда Антс синеющей сентябрьской ночью тихонько вернулся домой, он все еще был в таком возбуждении, что долго не мог уснуть.

Потом он видел во сне, будто отец жив, сидит у него в ногах и рассказывает какую-то длинную историю, а он, Антс, слушая его, испытывает огромное счастье.

На следующее утро шел дождь и было ветрено. Повсюду чувствовалась осень, — уже не доносились с полей запахи цветов и злаков; серое облачное небо казалось холодным, враждебным. С ветвей деревьев, росших за окном, лилась вода, длинными струями стекала по стволам и капала с желтеющих листьев. Но земля, по-летнему сухая, еще жаждала влаги и пила ее большими глотками.

Бабушка хлопотала в сарае по хозяйству. Антс, у которого и сегодня было приподнятое настроение, пройдя мокрой муравой двора, быстро зашагал по шоссе, подняв воротник старого дождевика.

Он шагал вперед, а радость его все росла. Это радостное возбуждение сделало его слишком рассеянным, и он долго не замечал, что его догоняет рослый, сильный кайцелийтовец¹. Теперь он шагал почти рядом с Антсом и оглядывал его своими прищуренными глазами, белки которых сверкали даже в этот серый сентябрьский день.

Произошло ли это случайно или в Антсе действительно проснулся инстинкт, предупреждавший об опасности, — но мальчик вдруг остановился и оглянулся. Взгляд его встретился со взглядом попутчика. Тот, перейдя дорогу, очутился рядом с Антсом. Некоторое время они внимательно глядели друг на друга, и тут только мальчик сообразил, что это новый волостной старшина, владелец большой усадьбы, Андерсон. И еще он подумал, что... значит, они его... все же, наконец, выследили.

---

¹ К а й ц е л и й т о в е ц — член эстонской фашистской организации, кайцелийт.

И в тот момент, когда Антс собирался спрыгнуть с шоссе, чтобы пересечь наискосок поле и скрыться в лесу, сильная рука грубо схватила его за локоть. Мальчику было очень больно, но он даже не пикнул. Из-под темно-коричневых усов кайцелийтовца показались два ряда широких зубов, разжавшихся с легким щелкающим звуком, словно для того, чтобы пропустить насмешливый вопрос:

— Эй, паренек, куда ж ты опять торопишься?

— Как куда?.. Никуда. Просто так, — ответил Антс.

— Ага, просто так, — произнес кайцелийтовец и злобно рассмеялся. Не отпуская антсовой руки, он продолжал: — Шустрый ты малый, как погляжу... все бродишь просто так. А знакомые и приятели у тебя имеются всякие. Их у тебя порядочно, так ведь?

— Ничего не порядочно. Конечно, в своих краях я знаю народ, так же как и ты.

— Конечно, конечно!

Старшина кивнул, продолжая усмехаться. Некоторое время они шли молча. И, наконец, мальчик тихо спросил:

— Чего ты держишь меня?

— Я? Держу тебя! Не говори глупостей! — воскликнул старшина. И продолжал притворно дружжелюбным тоном: — Я только взял тебя под руку и... все. Между прочим, сынок, если ты не особенно спешишь, мы можем вместе прогуляться в одно место...

— Куда это?

— Ну, куда же? Тоже... просто так.

Антс глотнул воздух, глубоко переведя дыхание. За спиной он услышал еще чьи-то шаги и сразу понял, что и это шаги его врага. Точно так же всем своим существом понял, что у него нет больше ни малейшей надежды на спасение...

Они шагали быстро и скоро добрались до волостного правления. С ним перестали церемониться—его потащили за руки, толкали в спину. Старшина сказал что-то дежурившему у двери комендатуры часовому, который в ответ лишь широко ослабилась и пропустил их. Антса больно ударили по ногам и через полутемный коридор втолкнули в маленькую комнату, наполненную сизыми облаками табачного дыма.

За столом у окна сидел и что-то писал круглолицый офицер. Он вопросительно поднял на вошедших светлые изогнутые брови. Волостной старшина уселся в мягком кресле.

Две пары глаз злобно уставились на мальчика, изучая его. Кайцелийтовец и офицер, повидимому, обдумывали что-то. Очевидно было, что они уже заранее сговорились обо всем. И вдруг Антс услышал вопрос, которого он никак не ожидал:

— С кем это ты вчера беседовал в кустах?

— Я? Ни с кем... — начал Антс.

Он не успел закончить фразу, как его изо всей силы ударили по лицу чем-то пружинящим. Старшина вскочил на ноги и угрожающе наклонился к нему, держа в руках резиновую дубинку, повидимому уже заранее приготовленную.

Немец прищурился и кивнул одобрительно. Потом он что-то спросил. Старшина, долго подыскивая слова, объяснил ему что-то по-немецки, немец толстым, жирным пальцем ткнул прямо в грудь Антсу и снова одобрительно кивнул.

— Ах, нет? Ни с кем? Паршивый волчонок! — выругался старшина, бросив дубинку на разбросанные по столу бумаги и опершись подбородком о кулак. Некоторое время он сидел неподвижно, глядя вверх костяшек своих волосатых пальцев, и затем стал продолжать допрос:

— Это тот, известный бандит, так, что ли?

Антс проглотил скопившуюся во рту кровь и ничего не ответил:

— Я тебя спрашиваю? Отвечай! Ну, говори же!

Мальчик молчал.

— Ах, так! Хочешь продолжать свои фокусы? Ничего—тебя мы раскроем, как гороховый стручок... — угрожающе сказал старшина.

Но когда мальчик и на это ничего не ответил, он решил прибегнуть к уговорам:

— Ты же ходил в школу, ты... неглупый малый. Сам пойми. Какие-то оборванцы, негодяи продельвают свои фокусы, а нам приходится отвечать за это. Поэтому каждый обязан сообщать о них властям. Расскажи все, и с тобой не случится ничего плохого. Мы же понимаем... мальчишеские шалости, больше ничего. Я даже сказал бы, что тебе простят все, что было раньше!

Молчание. Они дали ему немножко времени на размышления. Но он попрежнему был нем, словно рыба, и это больше всего бесило их. Они ругались и кричали, били его ногами, били по лицу, по шее резиновой дубинкой. Ужасная боль проникала, казалось, до самого сердца.

Когда он, стиснув зубы, вынес и это, они потащили его куда-то, в какой-то темный чулан, и начали там пытаться.

Они выворачивали ему руки и ноги и били по животу. Но когда и это не помогло, они начали пучками выдергивать у него волосы с головы. Потом унтер-офицер с костлявым, угрюмым лицом начал выламывать ему пальцы. Когда боль становилась нестерпимой, Антс тихонько мычал. Наконец, когда они раздробили ему все кончики пальцев правой руки, он не смог удержаться и завыл от боли и гнева. Но он не сдался, он только плакал, потому что среди этих ужасных, долгих мучений даже звук собственного голоса давал ему нечто вроде поддержки.

Эти муки продолжались весь день. Время от времени они давали ему притти в себя, а потом пытали еще беспощаднее. Когда они, уже под вечер, снова оставили его одного, он ужасающе ясно ощутил в своей темной камерке острый запах крови, исходящий, казалось, от всего его искалеченного тела.

Он сел прямо на пол, задыхающийся, смертельно уставший. И заснул.

Он сам не знал, сколько времени продолжалось это забытие, как вдруг его словно толкнуло что-то. Он быстро сел. Весь мир грохотал, ревел, будто собираясь сорваться со всех основ, все кругом дрожало. Антс сразу догадался, что это значит. Он с трудом встал, шатаясь, подошел к двери и стал колотить в нее до тех пор, пока ее, наконец, не открыли.

Из-за плеча часового выглядывали немецкий офицер и старшина-кайцелийтовец. Было уже темно. В руках старшины жирно поблескивал огонек жестяной керосиновой лампы. Оба мучителя Антса были бледны, как смерть, и рассеянно взглянув на него, хотели пройти дальше. Но мальчик не дал им уйти и прокричал изо всех сил:

— Подождите! Подождите! Я хочу сказать! Я... я... хочу... сказать все... да!

— Потом! Успеем с тобой! — нервно ответил волостной старшина.

Но мальчик продолжал кричать:

— Нет, сейчас... сейчас! Не потом! Вот видите... потому что... Да послушайте вы... разбойники!.. Об этом-то мы и говорили вчера на берегу ручья. Как раз об этом, да!

Он прислонился к притолоке и громко засмеялся. Это был веселый, живой смех. Что же, теперь он победил, теперь пусть будет, что будет!..

И он не перестал смеяться даже после того, как немец вынул револьвер и выпустил несколько зарядов прямо в грудь ему. Он упал на колени, продолжая смеяться, потом свалился набок, все еще смеясь.

В него стреляли еще и еще, пока он не умолк, пока не убедились, что он мертв.

В ИЮЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Настоящее его имя было Андрес Каллас, но за живой, непоседливый нрав его прозвали «Лаской». Юноша он был отважный, в самом начале войны, как только при фабрике был создан оборонный отряд, вступил в него.

Но сегодня он был несколько смущен и даже подавлен: с самого утра все искал подходящих слов, чтобы высказать свои чувства маленькой загорелой девушке, которая сидела за соседним столом.

На улице было тихо и очень жарко. Через распахнутое настежь окно штабного помещения, словно сквозь толстое синее стекло, виднелся начинавшийся за домом сад. Ветви яблонь были совершенно недвижны, кусты смородины походили на низенькие копны, желтые георгины покачивались еле заметно. Журавль колодца повис в воздухе, словно остановившийся маятник.

Андрес засунул руки в карманы и, подпрыгнув, сел на край стола, — нет, это должно совершиться сейчас же, больше он ждать не может. И он вдруг ощутил в себе прилив такой уверенности, что все его сомнения мигом рассеялись.

Тут зазвонил телефон — долгий, тревожный звонок. Рассердившись, Андрес встал, чтобы снять трубку, но Хилья оказалась проворнее и опередила его. Всего несколько секунд стояли они рядом, но он ясно ощущал тепло, исходившее от крепкого тела девушки, и еле заметный запах ее волос. И это тепло, и этот запах смешались с волнами солнечного света, в них было даже нечто от летнего сада, который он только что рассматривал из окна, — от яблонь, застывших в тишине, от низких темных кустов смородины, от недвижимого колодезного журавля.

— Да, алло! Слушает штаб отряда обороны, — сказала Хилья. Затем ее спина слегка выпрямилась, и она добавила поспешно: — Да, здесь. Сейчас передам трубку.

— Меня? — спросил Андрес.

— Тебя. Это командир батальона, — официальным тоном ответила девушка.

Из телефонной трубки до Андреса долетел нетерпеливый вопрос:

— Алло!.. Кто у телефона?

— Вас слушает дежурный, — угрюмо ответил Андрес.

— Командира отряда нет?

— Нет. Он уехал за продовольствием для рабочих Рийзакюля.

— Немедленно передать ему приказ... В полном составе прибыть в город не позднее двух часов. Захватить оружие. Вы слышали?

— Слышал.

В трубке щелкнуло, разговор был окончен. Но Андрес все еще не отнимал от уха телефонную трубку, словно ожидал услышать еще что-то. Молчание продолжалось, и он произнес, наконец, глядя в сторону:

— Так... Тебе придется съездить за парнями. Скажи им, чтобы они сейчас же собрались сюда.

— Хорошо, — кивнула Хилья и сразу исчезла.

Когда Андрес обернулся и подошел к окну, она была уже у ворот. Шины велосипеда шуршали по песку, и тонкое ситцевое платье, подхваченное внезапным порывом ветра, поднявшегося снизу от реки, обвилось вокруг ее сильных молодых ног.

Андрес, в раздумьи хмурия брови, прошелся по комнате. Теперь тишина стала еще более ощутимой. Было томительно скучно. Время тянулось ужасно медленно.

Он все еще бесцельно кружил по комнате, когда послышался быстро приближавшийся рокот мотора.

Андрес вышел на крыльцо, чтобы встретить товарищей, как подобает. Большой грузовик, окутанный облаком пыли, остановился, парни быстро попрыгали на землю. Секретарь первичной организации Вихалалу спросил обычным своим, несколько угрюмым тоном, хотя товарищ он был добрый:

— Ну, в чем дело?

И когда Андрес все рассказал ему, он торопливо вбежал в дом, словно преследуя кого-то.

Хилья тоже подошла поближе и спросила тихоноко:

— Что бы все это значило?.. Неужели.. немцы?

— Н-немцы!.. Фронт пока еще в Латвии! — улыбнулся Андрес.

И девушка, которую, повидимому, кто-то напугал, снова повеселела и кивнула, соглашаясь с ним:

— Верно... Фронт еще в Латвии, да...

Сборы окончились быстро. Взобравшись на машину, — десять старых добрых товарищей, — почти все они уже достигли девятнадцатилетнего возраста. Андрес придвинулся к девушке, и, когда машина, наконец, тронулась, он не без тщеславия поглядел на свои новенькие часы:

— Чорт, уже без четверти два!

Хилья ответила с усмешкой:

— Ну, ничего, приедем к сроку.

— Да, конечно, приедем, — согласился Андрес, все еще не спуская обшлага.

Девушка вдруг произнесла с улыбкой:

— А ну, покажи. Девушки говорили, что это подарок друзей ко дню твоего рождения. Да, важная штука!

— Правда, вещь не недурная, — кивнул Андрес. И он, сам не сознавая, зачем это делает, отстегнул ремешок, еще ближе пододвинулся к девушке и прошептал:

— Знаешь, что... Хочешь взять их себе?

— Я? Себе?

— Да.

— Как же это? Разве это можно? — смущенно протянула Хилья. Она покраснела до ушей и больше не улыбалась.

— Ну... скажем.. хоть на сегодняшний день, — сказал Андрес. — Тогда я буду уверен, что ты думаешь обо мне... хотя бы сегодня.

— Перестань! — остановила его девушка, хотя ясно было, что разговор этот ей приятен.

Андрес наклонился к самому плечу ее, поставив винтовку между колен, и неожиданно для себя высказал то, что раньше никак не могло сойти с языка:

— А что, если бы я... пригласил тебя погулять? Побеседуем, погуляем, хорошо? В городе мы, наверно, пробудем недолго. Идет?

Девушка опустила веки, взглянула на носок своей туфли и произнесла медленно:

— Побеседуем? Ты хочешь сказать мне что-нибудь особенное?

— Чего там особенного... Ну, вообще... Если бы мне... скажем, подождать тебя в парке... Ты же знаешь, у той большой липы?

— За церковью?

— Вот именно — за церковью.

Они помолчали. Затем Хилья потихоньку разжала свои загорелые пальцы, взяла часы, лежавшие у нее на коле-

нях, и, внимательно рассматривая их, ответила почти шопотом:

— Ну, хорошо, мы пройдемся немного. И эти вот часы... до тех пор могут остаться у меня?

— Конечно... конечно! — с горячностью подтвердил Андрес.

В этот момент они выехали из леса, стеной стоявшего по обе стороны дороги и словно стиснувшего машину. Скоро должна была начаться шоссейная магистраль. Вдруг машина резко сбавила скорость и, наконец, совершенно остановилась.

Андрес и Хилья привстали, чтобы заглянуть высред через крышу кабины водителя. И они еще издали увидели двигавшийся по магистрали большой эшелон запыленных грузовиков, который и загородил им путь.

— Так мы простои́м здесь несколько часов, — сказал Вихапалу.

Посоветовались, обсудили положение. Кое-кто уже выскочил из машины.

Водитель, приоткрыв дверцу кабины, крикнул:

— Ребята, там я вижу просвет между грузовиками. Так что в город мы приедем вместе с эшелонем. Взыбирайтесь-ка в машину, да живей!

— Правильно! — ответил Вихапалу.

Езда продолжалась лишь несколько минут. Хилье только хватило времени, чтобы надеть на руку часы. Автомобиль, под прямым углом свернувший направо, снова остановился. И, раньше чем Андрес успел оглянуться, прядильщик Оямаа сказал низким голосом:

— Смотрите... Это же не наши...

— Да-да... немцы... — глухо произнес кто-то.

Затем все совершилось с какой-то ужасающей, непонятной быстротой. Их стащили с грузовика и обезоружили, прежде чем они могли подумать о сопротивлении. Их молодые лица, на которые сыпались удары тяжелых кулаков, покрылись кровоподтеками, в глазах застыли ужас, отчаяние и недоумение. Но никто из них не жаловался, они были упрямы; они стояли молча, чуть пошатываясь от ударов ружейными прикладами. И визгливая брань смеющегося офицера — человека с длинной, худой шеей и запыленным небритым лицом — вызывала лишь одну мучительную мысль: замолчал бы он поскорее!

Голова Андреса гудела от страшной боли. Его били прямо по лицу, и только когда это вдруг прекратилось, он кое-как собрался с мыслями. Совершенно некстати ему

пришло в голову, что вот Хилья все же приняла его часы; что тот малорослый солдат, который только что бил его, вероятно, сильно устал, что всех их, повидимому, ожидает расстрел, что... что... из вечерней прогулки, таким образом, ничего не выйдет. И тут же подумал, что вражеский отряд, в руки которого они так бессмысленно попались, представляет собой десантную группу с моря, и ее быстро ликвидируют. И еще подумал, что... что... никто из его друзей... и сам он... не умрут так скоро. Странно, почему-то он совершенно не испытывал страха, он был далек от этого, его мучило лишь чувство отвращения и все усиливающаяся потребность громко протестовать против чего-то.

Внезапно он шагнул своими затекшими, спотыкающимися ногами вперед, с ненавистью посмотрел на направленное на него дуло револьвера и сказал:

— Хватит! Кончайте... это свинство!

На миг наступила тишина. Немецкий офицер был просто поражен подобной дерзостью. Он облизнулся, скривил рот, круглые большие глаза его словно придвинулись к переносью.

На его узком лице появилась ухмылка, и он сказал что-то стоящему возле него унтер-офицеру. Андрес почувствовал, что его схватили сзади и грубо потащили. Он очутился рядом с солдатами, державшими винтовки наизготовку, и видел теперь всех своих друзей, всех до единого.

Взгляд его как раз встретился со взглядом Хильи, когда раздалась команда:

— Три шага назад! Ну!

Они сделали это. По привычке они даже попытались держать равнение, и ряд действительно выравнялся. Когда с этим было покончено, офицер выстрелил, не целясь.

Вслед за ним выстрелили и солдаты, беспорядочно, поспешно, словно стараясь поскорее покончить с пленными. Первым упал парень, стоявший в середине, рядом с Хильей. Вихапалу странно повернулся кругом и тоже рухнул на песок. За ним еще один... еще один... еще и еще и тогда упала Хилья. И вот все они лежали на земле, почти прижавшись друг к другу. То один, то другой вдруг шевелился, на минуту привлекая к себе внимание убийц, которые, впрочем, не давали себе труда прикончить недобитого.

Офицер со свастикой повернулся к Андресу.

— Ну, вот и готово, как видишь, — сказал он. — Очень просто, не правда ли? Может быть, это была твоя невеста, да?

И, не дожидаясь ответа, добавил:

— Чего смотришь? Теперь можешь идти. И объяви всем своим друзьям, что их ждет. Для того мы тебя и отпускаем. До свиданья, пока тебя снова не поймали.

Эшелон грузовиков двинулся, наполнив воздух оглушительным грохотом. И вот Андрес остался один со своими друзьями. Один из них прохрипел еще что-то... И наступила тишина. С высокого чистого неба, от рожи, видневшейся на горизонте, от зреющих, уже слегка поблелевших полей, отовсюду, куда доставал взгляд Андреса, изливалась эта несоб'ятная, пугающая тишина. Затем откуда-то подул ветер, свежий, пахнущий солью, морем, он принес неумолчный шорох волн, катившихся в какой-нибудь четверти километра отсюда.

Андрес, наконец, вышел из своей неподвижности; это было трудно, но все же он сделал это. Он сделал шаг, другой... теперь он был совсем рядом с убитыми. Он подумал вдруг, что у него нехватит сил похоронить их всех, — да, нехватит; большинство из них должно остаться, — может быть, на несколько дней, пока не придут те, кому приказано будет зарыть их. И, подойдя на цыпочках к Хилье, он поднял ее остывающее тело и медленно, слегка пошатываясь, пошел прямо к морю, шум которого, словно дружеский голос, приближался к нему...

Он сам не заметил, как заплакал, но внезапно услышал свое всхлипыванье. Слезы текли по его щекам, скатывались на подбородок, падали на пестрое ситцевое платье Хильи, на ее маленькие девичьи груди. Он дошел до высокого, крутого берега, положил тело на песок, и, продолжая всхлипывать, сел в ногах.

Немного погодя, он снова встал и медленным шагом двинулся к ближней деревне, дошел до крайнего дома, покинутого хозяевами, отыскал во дворе лопату и вернулся на берег. Он рыл долго, усердно. На дне могилы уже выступила вода. Нежно, осторожно уложив девушку в могилу, он зарыл ее и только теперь заметил, что рубашка его совершенно промокла от пота.

Затем он отнес лопату на прежнее место и пошел дальше. Он шел и шел... Огромная, первобытная ненависть росла в нем и вдруг, словно желтое высокое пламя, захлестнула, почти задушила его.

...Они подарили ему жизнь, чтобы утратить его, заставить его страдать. — да, он знал это. Но они ошиблись, — жизнью своей он воспользуется не для того, чтобы трястись от страха, а для того, чтобы бороться, мстить.

Светлый июльский день продолжался, — теплый, ласковый, как этот ветер с моря. И Андрус больше не плакал, он быстро шагнул вперед и вскоре исчез в чаще леса.

ПРОБУЖДЕНИЕ

1

Человек пробирается сквозь чащу леса; он смертельно устал и еле держится на ногах.

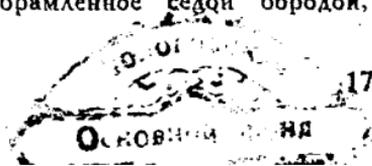
Смеркается, в лесу стоит туман. Дождь, сначала редкий и крупный, затем мелкий и частый, поливает землю, пахнущую мхом и прелым листом.

Выйдя на узкую прямую просеку, человек останавливается и настороженно прислушивается. Он высокого роста, могучие плечи его слегка сутулятся, все повадки говорят о готовности постоять за себя, пробить себе путь среди опасностей. Голова его не покрыта, и светлые волосы, словно грива, развеваются по ветру.

Вокруг царит глубокая тишина, и беглец становится смелее, выпрямляется, позволяет себе ослабить напряженные мускулы, и лишь теперь ощущает он, что во рту у него пересохло от жажды, что не только желудок, но все тело отказывается далее терпеть голод, продолжающийся уже четвертые сутки. И он опять, как и неделю тому назад, когда выбирался из окруженного немцами лагеря трудополченцев, твердит про себя: нужно остаться в стороне от этой заварухи, забиться в нору, словно мышь.

Он снова трогается в путь, идет быстро, не оглядываясь. И вскоре ветер доносит до него горьковатый, восхитительный запах родной усадьбы; вдруг пахнуло и дымком из риги, и сонным теплом печи, в щелях которой поют сверчки.

Здесь его как будто уже давно ждали. Едва успел он согнутым пальцем руки легонько постучать в стекло, как белая занавеска за окном всколыхнулась, отдернулась, обнаружив руку, нашаривавшую крючок. Затем в форточке показалось старческое лицо, обрамленное седой бородой, и сильный голос спросил:

— Ну, что еще? Кто там ломится?

— Откройте же, черт побери! Это я! — нетерпеливо отзывается стоящий во дворе и тотчас отходит от окна.

Тяжело ступая, он шагает в сени, ждет, чтобы открылась дверь, и входит в теплую, душную комнату. Вот приземистая фигура жены в длинной рубашке. Плача от радости, она поправляет висящее на окне одеяло, стекло звенит, когда она зажигает лампу, — так дрожат у нее руки. И лишь когда вошедший тяжело опускается на скамью, вытягивает под столом ноги, грохоча сапогами, она бормочет:

— Господи, великий боже!.. Как мы тебя ждали! Уж и надежду потеряли. Слава всевышнему!.. А мы думали, что и тебя убили, как...

Пока жена причитает, отец, придерживая рукой штаны, достает с полки миску с вареным картофелем и говорит деловито:

— Садись, Антс, подкрепись. Потом расскажешь.

— Верно, потом расскажу, — кивает ему сын, жадно разглядывая поставленную на стол еду.

С набитым ртом он спрашивает:

— Кто теперь хозяева волости?

— Говорят, какой-то немецкий отряд побывал в волостном правлении, но всеми делами заправляют лесные братья, — отвечает отец.

— Лесные братья? — недоуменно переспрашивает Антс.

Жена, сидящая на краю кровати, возбужденно объясняет:

— Ну да, лесные братья. Это у которых советская власть отняла много земли.

Человек за столом, очищая от кожуры картофелину, презрительно кривит губы. Он задумывается на миг и затем говорит:

— Дураки! Вопрос об этих нескольких десятинах решится и без их хлопот!

— Этот вопрос о нескольких десятинах земли — совсем не маловажный! — вдруг угрюмо говорит отец; голос у него слабый, скрипучий. Не дав сыну ответить, он продолжает:

— Напускали на себя приветливый вид, а в душе копили желчь. Теперь они готовы продать родных братьев. Каарел из Нахку, Антон из Мые и милиционер Нинепуу — исчезли. Баронское отродье их уже, верно, упрягало в землю.

— Ах, вон оно как!.. — бормочет Антс.

— Да, именно так! — сердито отвечает отец и предостерегающе добавляет: — Увидишь, сынок, нам скоро придется взяться за дело. Из молодых многие рассуждают сейчас вкривь и вкось. Им хотелось бы на это со стороны посмотреть! Скоро они убедятся, что это им не пройдет. Там, где появляются немецкие рейтузы и сапоги со шпорами, рука настоящего эстонца всегда будет тянуться к дубине. А те, что сейчас подставляют своих соседей под пули и виселицы баронского отродья, еще пожалеют об этом.

Антс с резким щелканьем складывает свой нож и произносит твердо:

— Ладно. Слова остаются словами. Меня это, во всяком случае, не касается. Выиграет тот, кто не будет совать руки в огонь. Советую и вам... держать язык за зубами.

Немного погодя он влезает на печь и с наслаждением растягивается в тепле. Он очень устал, ему ничего не нужно, кроме отдыха.

2

На следующее утро Антс просыпается от резкого стука в наружную дверь и незнакомого громкого голоса, вторгнувшегося в тихий сумрак. Свесив голову, он украдкой глядит вниз и при свете забытой с ночи керосиновой лампы видит бывшего волостного старшину Симовского Каарела, чей бас гремит так, словно кто-то перекачивает тяжелые ребристые камни.

— А, дома? Здорово. А то уж разное думалось. Где же он у вас дрыхнет?

— На печи, — запинаясь, отвечает жена.

Тяжело переступая с ноги на ногу, приземистый старшина подходит к печке и, задрав голову, смотрит наверх. На его рукаве поблескивает морская белая повязка.

В уме Антса возникает боязливая мысль: «Не притвориться ли больным?» Видно, его все-таки хотят втянуть в опасный водоворот событий, а он-то думал, что вырвался из него целым.

— Здравствуй, товарищ!.. Ха-ха-ха! — кричит ему белогвардеец. — Жив, что ли?

— Живой.

— Ну, и повезло же тебе, бродяге... Прямо свинское везение, нужно сказать. Ты, верно, успел уже удрать, когда стали отделять овец от козлиц?

— Кого, кого?

— Козлиц от овец.. Хо-хо-хо!

И гость начал рассказывать, охотно, весело, как человек, оглядывающийся на прошлое с вершины достигнутого благополучия.

— Красноармейским отрядам, чертям таким, удалось прорваться, и часть рабочих хотела удрать с ними. Ну, мы им заговорили зубы. Главное — потихоньку убрали кое-кого из самых влиятельных коноводов. А потом говорим: «Вот, видите.. удрали, бросили вас». Я сам пришиб двоих. А чуть свет — отправился к немецкому командованию и рассказал, что и как. Ну, чего уж там, автоматчики с песнями отправились в лагерь! Только укажи им.. Хе-хе-хе!.. Чик-чик и готово!

Наступает короткое молчание. Из трубки белогвардейца поднимается к потолку едкий дым. Антс беззвучно двигает челюстями и, стараясь заглушить странное ощущение тошноты, глотает слюну. Завязывая веревки на своих постолах, отец спрашивает боязливо:

— Расстреляли? Сколько их там?

— А кто их будет считать? Думаю, не меньше ятидесяти. — махнув рукой, небрежно отвечает старшина.

— Не меньше пятидесяти... Мужчины?

— Были там и мужчины, были и женщины. Заведомо красных расстреливали целыми семьями. Шутки ради лейтенант устанавливал их, словно перед фотографом: дети впереди, отец и мать тут же, позади своих щенков, — деловито рассказывает старшина, затем на миг умолкает и снова продолжает, смакуя собственные слова: — Уже второй день вылавливаем спрятавшихся. Большая часть уже в надежном месте. Одевайся-ка, пойдем со мной, дашь и ты свои показания.

Антс крепко стискивает зубы. Так и есть, — вот и его толкают и тянут к делам, которые могут стать для него весьма опасными. И он еще раз пытается отбиться.

— Я болен, не видишь, что ли? Не могу.

Старшина машет рукой:

— Чего там, болен.. Слезай-ка, ноги не отвалятся! Или бережешь задницу? А?

И в этот момент почва под ногами Антса начинает колебаться, — его силой принуждают высказать свое мнение, он должен сделать выбор, иначе нельзя, волею или неволею ему придется примкнуть не к тем, так к другим. Чувствуя себя, как на сквозняке, еле удерживаясь, чтобы не застучать зубами, он бормочет:

— Я.. не знаю ничего.. Я и понятия не имею..

Когда двое мужчин, пройдя четыре-пять километров, наконец, подходят к имению, солнце уже поднимается на добрую сажень от земли.

Перед недавно отремонтированным господским домом, в котором последние полгода помещался детский дом, гудит густая толпа. Мужчины курят, женщины и девушки нервно оправляют клетчатые платки, дети, широко раскрыв глаза и рты, от испуга прячутся за отцов и матерей. И волостной старшина, поднимая кустистые брови, понимающе кивает Антсу:

— Похоже на то, что и здесь сегодня закончат работу. Да, да, хорошая встрепка не повредит и покорным овцам.

Антс ничего не отвечает. Он лишь искоса поглядывает по сторонам, и вдруг в нем возникает чувство собственной вины. Эти тяжелые, немые взгляды, которыми провожает его собравшийся народ... Может быть, они думают, что и он заодно с захватчиками, заодно с предателями, один из которых шагает с ним рядом.

Часовой по-приятельски улыбается старшине и пропускает их. Они входят в просторный зал господского дома, наполненный клубами табачного дыма. Волостной старшина умеряет шаг, благодушно кивает группе арестованных — их здесь человек двадцать — и басит:

— Ага, братцы, попались, что? Ишь ты, и Юзеп здесь. За что же тебя-то словили, господи боже мой?

— За что? Вам-то лучше знать, — отвечает деревенский сапожник.

— А ты разве не потому попался в мышеловку, что во время знаменитой прирезки позарился на лучшее озимое поле Криссана?.. Ха-ха-ха!

И волостной старшина с деланным сожалением качает головой:

— Одурел на старости лет, одурел. Ай-ай-ай! Ну, что ж... Бог даст — будешь здоров!

Они идут дальше к двухстворчатым дверям, ведущим во внутренние комнаты.

Уже почти у самой двери Антс допытывается со страхом:

— Какого дьявола арестовали этих-то?

— Этих? Еще бы... От кого же прикажешь очищать нашу землю, если не от таких воров, как старый Юзеп? — помедлив, произносит старшина и злобно оглядывается на арестованных.

Комната, в которую они входят, так же обширна, как и предыдущая, и в ней так же накурено. За массивным черным столом, лицом к двери, сидят двое сухопарых людей в незнакомой военной форме и один в штатском, которого Антс раньше никогда не видел. А по другую сторону стола, окруженные автоматчиками с засученными рукавами, стоят четверо — председатель исполкома Якоб Саар, его заместитель молодой Март Пальмсе, секретарь Оскар Уйбс и тот, серьезный, внушительного вида человек с острой бородкой, который в первые дни войны приезжал из города в связи с мобилизацией лошадей.

Волостной старшина, обойдя стол, склоняется к уху человека в штатском и говорит ему что-то; тот в свою очередь обращается к своему соседу в военной форме; они тихонько совещаются и, повидимому, приходят к общему решению. Незнакомый человек в штатском некоторое время разглядывает крупную, наклоненную вперед фигуру Антса, словно прощупывает его своим тяжелым взглядом, и медленно произносит, наконец:

— Ты знаешь этих господ? Этих вот четверых?

Антс не может решить сразу, отрицать ли ему свое знакомство или говорить правду. Якоб Саар медленно поворачивает голову, смотрит на него, улыбается презрительно. Он спокоен, как всегда, тонкие губы крепко сжаты, по продолговатому лицу его словно пробегает пепельная тень. Может быть, это воспоминание, картинка из прошлого: еще недавно ты был дружен с нами, а сегодня якшаешься с нашими врагами... Он пожимает плечами и говорит угрюмо:

— Оставьте, господа. К чему эта комедия?

— Молчать! — кричит человек в штатском.

— Конечно... А этот пес знает всех нас... — добавляет председатель исполкома, кивая головой на Антса.

За столом снова совещаются. Немцы открыто выражают свое нетерпение, но их коллега эстонец снова задает вопросы:

— Не угрожали ли эти люди местным хозяевам усадеб? Не грозились убить всех нас?

— Нет, я ничего такого не слышал, — комедлив, отвечает Антс.

— Т-так... Не говорили они, что пуля чисто сработает, и тогда-де, коммунистам и беднякам достанутся хорошие земли, удобренные трупами буржуев?

— Нет, я ничего такого не слышал, — повторяет Антс.

— Так. А не слышал ты, как они хвастались на одном собрании, что настанет день, когда в нашей волости кровь подымется выше колен?

— Нет, я ничего такого не слышал.

Молчание.

— Та-ак... Ах, вот как... — гооврит, наконец, незнакомец в штатском, снова смерив Антса взглядом с головы до ног, и вдруг багровеет до самых кончиков приплюснутых к черепу ушей. Светлоголубые глаза его становятся острыми, словно шильца, он стучит кулаком о стол и спрашивает:

— У тебя неплохие с ними отношения, так ведь?

— Да, ссориться нам было не из-за чего, — отвечает Антс, хотя понимает, что за подобный ответ ему могут свернуть шею.

— Не из-за чего было ссориться?.. Т-так. А, скажи, почему ты отправился на оборонительные работы, а не догадался удрать в лес?

Антс обрел, наконец, полное спокойствие, — правда, что-то теснилось в груди, но ему показалось, что это-то и придает ему твердость. И, улыбнувшись вдруг одними уголками губ, он произносит раздельно:

— Почему? Вероятно, по той же причине, что и все остальные, в том числе и наш теперешний волостной старшина.

— Вон отсюда, сволочь! — сквозь стиснутые зубы выдавливает человек в штатском.

Антс поворачивается и, держась прямо, выходит из комнаты. Сходя с лестницы, он решает немедленно убираться отсюда, хотя бы даже его пытались остановить эти автоматчики с засученными рукавами, следящие за ним холодными волчьими глазами.

Но он не успевает выйти со двора имения, как старшина с белой повязкой, отдуваясь, догоняет его. Взяв Антса под руку, он говорит с дружелюбной, доброжелательной усмешкой:

— Дурак, чего спешишь? Расстроился как девчонка. Майор там тоже рассердился. Один не признает другого... Оба упрямые, словно бугаи... Неудивительно, что вышло столкновение. А теперь вернемся. Воров покрупнее, правда, решено оставить на завтра, но... небольшое представление все же и сегодня состоится.

Не говоря ни слова. Антс поворачивается и вместе со старшиной возвращается назад.

По широкой лестнице господского дома спускается толпа арестованных крестьян, которых он видел недавно в накуренном зале. Их сопровождают немцы, шагая своей гибкой, собачьей походкой. Народ, словно почуяв приближение чего-то ужасного, откатывается подальше, в тень высоких деревьев.

Арестованные, подгоняемые конвоем, быстро направляются к длинному каменному зданию конюшни и останавливаются возле него. Раздаются голоса, молящие о ящаде, слышатся удары прикладов, белые рубахи палачей от ветра вздуваются парусом... Затем ясное, слегка ветренное августовское утро сотрясается от грохота. После этого слышны лишь отдельные выстрелы: это добивают раненых, которые ворочаются на земле, все еще пытаясь убежать, уползти.

Вокруг судорожно дергающихся тел возникает широкое пустое пространство. Здесь, кроме невозмутимых палачей, стоят лишь старшина и Антс. И Антс, чей тяжелый взгляд неподвижно уставился на седые окровавленные усы сапожника Юзепа, словно через усилитель слышит слова старшины, деловито поясняющего:

— Одиннадцать клопов. Свастика действует просто и быстро. Что?

— Да, просто и быстро, — медленно отвечает Антс.

Волостной старшина стоит еще с минуту у места казни. Шея у него вздулась, побагровела, он слегка задыхается. Затем он произносит устало:

— Загляну на минутку в канцелярию. Пойдем и ты со мной. Пойдем прямо лесом, так скорее.

— Да, хорошо, — машинально отвечает Антс.

Они молча, быстро шагают минут двадцать. Они далеко отошли от имения, но до ближайшей усадьбы остается еще по меньшей мере километр. И, наконец, когда солнечная тишина вокруг них становится особенно глубокой, Антс спрашивает тихо:

— Остальных... завтра?

— Да.

— Ты наверно знаешь?

— Боже ты мой... сам майор сказал.

— А куда их заперли?

— В старую винокурню.

Снова тишина. И вдруг Антс произносит очень спокойно:

— Т-так! А теперь очередь за тобой. Собаке собачья смерть!

Старшина останавливается. пораженный смыслом этих слов. Он хочет сорваться с места, побежать, по-заячьи петляя, но остается неподвижным. Лишь медленно-медленно поворотился он к стоящему рядом с ним гиганту, уставился вылезавшими из орбит побелевшими глазами в его каменное лицо и голосом, словно идущим из погребя, забормотал:

— Ты... чего это? Оставь... Ну-у... оставь, слышишь?

— Так! Собаке собачья смерть! — повторяет Антс, подымает сложенные вместе кулаки и ударяет.

...Ударяет двумя руками, — голыми руками, но в них сосредоточена огромная, страшная для врагов сила, которой нашлось теперь применение.

На следующее утро около винокурни, превращенной в тюрьму, находят труп немецкого часового, — у него сломаны шейные позвонки. Тяжелая дубовая дверь винокурни раскрыта настежь. и те, которым сегодня предстояло умереть, исчезли. Но вместе с ними из деревни исчез и Антс, белокурый гигант, который хотел остаться в стороне от событий, но в душе которого пробудилась глубокая, святая ненависть к врагам, заливающим кровью его родину.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Июльская ночь коротка, а нам надо еще пробраться через линию фронта и во-время вернуться к своим. Да, мы знаем это, но все еще медлим. Так хорошо сидеть тут втроем и, отогнав прочь все тревоги, перебрасываться шутками.

Густая прохладная трава приятно освежает после знойного дня, небо над нами чуть-чуть светится, кругом стелется туман; ветер дует с болота, и в воздухе не ощущается тошнотворно-сладкого запаха разлагающихся в лесной чаще трупов. Минутами даже трудно представить себе, что мы больше не беспечные ребята, свободно, ради собственного удовольствия, путешествующие с места на место, что нам каждую минуту надо быть настороже, надо остерегаться малейшего шороха.

Решительно стряхнув с себя ленивую истому, я поднимаюсь на ноги.

— Ну, хватит, братец, довольно отдыхать, пора и отправляться! — тихонько говорю я.

Кристьян Лукк — так зовут моего молодого товарища — вздрагивает, словно разбуженный от приятного сна. Он незаметно пододвинулся к девушке, держит ее пальцы в своей огромной загорелой ручище и неотрывно глядит на склонившееся к нему лицо, смущенно улыбающееся ему. Затем его широкое лицо, в котором есть что-то восточное, оборачивается ко мне и сразу становится серьезным: мы снова по-уши погрузились в военные будни, мы снова разведчики, в немецком тылу. И, чтобы окончательно рассеять разнеживающие душу чары, я беру винтовку, вытираю рукой запотевший ствол и говорю девушке, которая все еще немного стесняется в моем присутствии.

— Право, трудно сказать, когда мы вернемся. Но ты поглядывай, почаще слушай. Сигнал прежний — крик совы.

Наша маленькая помощница деловито выслушивает меня. За последние две недели мне не раз приходилось встречаться с ней, но сегодня мне кажется, будто я вижу ее впервые. Она невысокого роста, хрупка, узкие плечи ее слегка сутулятся, словно от тяжелой работы, и в то же время все в ней кажется законченным, зрелым. Время от времени ветерок шевелит русые пряди на ее голове, и тогда она машинально поднимает руку, чтобы отвести их со лба, кажущегося сегодня особенно высоким и светлым.

Она отвечает не сразу:

— Да, хорошо. В этот же час, как и обычно?

Кристьян Лукк протягивает подруге руку и отвечает за меня:

— Конечно... в этот же час. Смотри, будь на-чеку, чтобы эти обезьяны тебя не заподозрили.

— Хорошо. Буду на-чеку, — отвечает девушка, и я вдруг с пронизывающей ясностью вижу, что ее страшит возможность попасть в лапы «этим обезьянам».

— Пора! — кивает головой Кристьян Лукк.

Мы берем заряженные винтовки подмышки и направляемся прямо к болоту. Влажная духота сменяется здесь холодным туманом, пахнущим торфом. Словно запотевшие стекла, вправо и влево от нас тускло поблескивают наполненные водой глубокие ямы, и нам приходится ступать осторожнее, чтобы не угодить в какую-нибудь из них.

Некоторое время мы шагаем молча, — каждый из нас думает о своем. Наконец мой товарищ произносит небрежным тоном:

— Не правда ли... девчонка ведет себя молодцом?

Скрывая невольную усмешку, отвечаю коротко:

— Да, ничего не скажешь.

— Вот именно, — продолжает парень. — Подумай только: минометные батареи разгромлены по ее указанию, — это раз! Автопарк за старым кладбищем, — два! Пять спря- танных в ольшанике танков, из которых насилу удрал лишь один, да и то основательно покореженный, — три! И, наконец, — вчерашняя история со штабом дивизии господ немцев, — четыре! Не так-то мало, как ты полагаешь?

Он умолкает и провожает взглядом скользящую мимо слоистую полосу тумана. Когда полоса, наконец, исчезла, растворившись в общей массе тумана, он добавляет с юношеским пылом:

— Она простая деревенская девушка, а мы ее высоко ценим... как незаменимого бойца. Найдутся такие зубоска- лы — «баба», скажут! Пусть говорят! Главное, чтобы дело было сделано.

Я шагаю молча, не произнося ни слова, чтобы не рассеивать внимания болтовней, а мой влюбленный приятель никак не может успокоиться и сообщает, понизив голос, словно доверяя мне величайшую тайну:

— Ты только представь себе... ведь ей всего двадцать лет!

— А тебе? Тебе самому-то сколько лет? — спрашиваю я, помедлив.

И мой герой отвечает, явно набавляя себе:

— Ну... мне! Скоро две дюжины исполнится, чего там!

Дойдя до песчаной полосы, Кристьян старательно вытирает сапоги о густые побеги ольшаника и выпаливает вдруг с неожиданной откровенностью:

— Да, что там ни говори, а мне эта девушка во всяком случае нравится.

В эту минуту из предрассветных сумерек перед нами возникают несколько человек с винтовками, угрожающе нацеленными на нас.

Это передовые посты Красной Армии, стерегущие восточную границу болота: мы вернулись к своим.

Зной, опалывший за последние недели нашу истерзанную врагами родину, внезапно спал, — с прошлой ночи пошел ровный, непрерывный дождь; он продолжается весь день. Это — теплый дождь, и сухая земля жадно впитывает его. Вокруг все промокло насквозь и словно разбухло, но нигде не заметно ни одной лужицы. Временами тучи идут так низко, что мне кажется, будто старые, приземистые сосны и стройные ели вот-вот согнутся под их тяжестью.

Мы с Лукком только что собрались в гости к приятелям, находившимся на изрядном расстоянии от нашей части (из-за дождя у нас выдался свободный часок), когда в дверях показался связной из второго отделения и сонно сообщил, что нас вызывают в штаб.

Мы тотчас последовали за ним. Я пылливо взглянул на приятеля и усмехнулся про себя: ну вот, наконец-то, исполняется его желание! И мне невольно припомнилось, как со времени нашей последней вылазки он и днем и ночью терзался тревогой.

Майор ни минуты не заставил нас ждать, — повидимому, он приготовил для нас что-то очень важное, не терпящее отлагательства. Мы застаем его уткнувшимся в карту. Майор подзывает нас поближе и говорит, прижав большой палец к кончику своего толстого носа, словно он боится, что тот еще больше вырастет.

— Вот что, ребята, вам опять нужно будет отправиться. И опять вдвоем. Район разведки — прямо за болотом. Между прочим, имейте в виду, что дороги там за последнее время находятся под особым наблюдением врага.

— Подумаешь! — говорит Кристьян Лукк.

Он радостно взволнован, нетерпелив и готов пуститься в путь немедленно, лишь бы дойти поскорее!

Но майор, все еще не отнимая пальца от носа, продолжает не спеша:

— Нужно установить, куда к чорту они спрятали батарею тяжелых орудий, которые обстреливают нас с самого понедельника. Как вам известно, такие объекты тщательно охраняются, так что... от немцев дружеской встречи не ждите.

— Обойдемся и без нее! — говорит Кристьян Лукк и громко хохочет.

С полчаса обсуждаем мы, в каком месте лучше пробраться через линию фронта, на бумажке отмечаем маршрут, делаем самые смелые предположения, заставляющие быстрее биться наши сердца. Наконец майор отпускает нас, крепко пожав руки.

— Хорошо, ребята. Надеюсь, вам и на этот раз поветет...

В дождливый день смеркается быстро, и нам приходится спешить с приготовлениями. Мы получаем нужное снаряжение, несколько раз тщательно проверяем его и садимся в машину. Молодой лейтенант доставляет нас к передовым позициям.

Красноармеец — мы с ним уже встречались здесь — провожает нас до первых торфяных ям и говорит на прощание:

— Смотрите в оба, ребята. Если провалитесь, помните, что оладьями с вареньем вас там не угостят.

— Да, говорят, что так! — отвечает Кристьян Лукк.

На всякий случай делаем большой крюк, — осторожность при всех обстоятельствах — мать удачи. И когда мы присаживаемся не надолго на знакомом островке среди болота, мой товарищ возобновляет тот откровенный разговор, которого я почему-то ждал от него всю неделю.

— Да-а, чорт возьми... Странная это вещь — душевная жизнь человека, — задумчиво говорит он и сквозь дымку дождя смотрит на запад. — Я ведь уже не мальчишка... Много довелось мне видеть и испытать в жизни, но любовные дела меня как-то не интересовали... Даже когда был мальчишкой. А теперь вот, чорт его знает! Правда, она слеплена совсем из другого теста, чем прочие женщины... Может, поэтому.

Молчание. И, наконец, со странным чувством нежности я спрашиваю своего товарища:

— Кажется, это твоя первая любовь?..

Парень, повидимому, задумывается, перебирает прошлое.

— Да, почти что так. Если не считать нескольких школьных увлечений.

— Очень она тебе дорога?

Снова молчание, пока из темноты не доносится заглушенный ответ:

— Очень! Бес его знает, но это так... Очень!

Мы еще несколько раз останавливаемся в продолжение своего опасного пути, и, когда, наконец, около полуночи добираемся до западного края болота, приятель мой успел изложить мне все свои планы на будущее, все свои мечты: о спокойной жизни учителя после войны, о семье, об идиллическом домике в саду, даже о детях. И над всеми этими мечтаниями — романтический ореол: глубоко, до конца, понимающие друг друга мужчина и женщина, вместе принимавшие участие в гигантской всемирной борьбе.

Нам пришлось дать крюку, и это отняло много времени. Решили переждать до следующего вечера в перелеске, отделенном от всех дорог, откуда до места встречи с нашей молодой помощницей оставалось полчаса ходу.

Утром дождь перестал, и снова засверкало солнце, вскоре высушившее землю, траву и кусты.

День тянется ужасающе медленно. Мы то принимаемся закусывать, то беседуем, то спим. Мне снится удивительно спокойный, безветренный полдень, волнующиеся ржаные поля, затейливо изливающийся ручеек на солнечной равнине, под высоким знойным небом, с белыми перьями облаков в синеве.

Когда наступает вечер, я нетерпеливо тереблю товарища за рукав:

— Ну, хватит дожидаться. Пошли!

Некоторое время мы двигаемся в полном молчании, напрягая внимание, чтобы не нарваться на какую-нибудь неожиданность. С шоссе, за несколько километров от нас, доносится безобразный лязг танковых гусениц, напоминающий мне на этот раз скрежет каких-то сказочно-гигантских жующих челюстей.

Наконец мы добираемся почти до самой деревни, стиснутой меж двумя перелесками, и делаем последнюю остановку. Кругом сумеречно и очень тихо. Слышен лишь шелест ночного ветерка над вершинами деревьев. Кое-где виднеются тусклые зарева: горят леса и деревни, и тушить их некому.

— Оба пойдем или... мне одному? — спрашивает Кристьян Лукк, и я вижу, что ему очень хочется оставить меня здесь.

Отвечаю не спеша:

— Оба.

Приятель пытается спорить, но я настаиваю на своем. Скоро мы ползком по канавам начинаем переход через равнину, которая отделяет нас от деревни. Ползем, радуясь каждому легкому облачку, прикрывающему нас своей тенью.

Не знаю, чем это вызвано, но в душу мою вдруг закрадывается беспокойство. Оно похоже на легчайший запах, который скорее угадываешь, чем ощущаешь. И чем ближе подвигаемся мы к ольшанику, темнеющему на другом конце поля, тем отчетливее становится это внезапное беспокойство.

Но приятель мой не теряет своей жизнерадостности, и я не решаюсь тревожить его. Искося взглянув на него, я издаю резкий, ухающий крик совы: с пастушеских лет славлюсь я умением подражать птичьим голосам.

Ожидаем, глядя в темноту. Внезапно Кристьян Лукк говорит:

— Постой здесь. Я пойду погляжу.

Я не успеваю возразить ему, как он уже исчезает, безшумно, с гибкостью змеи ползет по дну канавы. Я снова ясно ощущаю неопределенное беспокойство, от которого у меня потеют ладони, и в то же время отчетливо сознаю, что это не страх.

Товарищ мой не показывается довольно долго. Но когда он снова появляется передо мной, достаточно было взглянуть на него, чтобы сразу почувствовать: совершилось большое несчастье.

— Ну, что? — шопотом спрашиваю я.

Кристьян Лукк стоит передо мной во весь свой богатырский рост, широкоплечий, неуклюжий, с опущенной светловолосой головой. В нем появилось что-то неподвижное, тяжелое, гнетущее, нечто такое, чего раньше в нем не было. И он заговорил, наконец, неестественно растягивая слова:

— За хлевом... в куче полсвы... там меня поджидал паренек. Во дворе стража. Наверно, ждали нас. И... и... Хельми сегодня вечером повесили в парке. Они... они... захватили ее... близ батареи и... мучили ее... несколько часов. Тяжелые орудия в лесу... на старом кладбище... Разузнал все в точности...

Молчание. Я не в силах произнести ни слова, я вижу лишь, как Кристьян начинает трястись, словно в лихорадке. Но он не плачет, нет, челюсти его судорожно стиснуты, и он лишь тихонько мычит сквозь зубы.

Затем, овладев собой, он оборачивается ко мне и тихо произносит:

— Пойдем.

— Куда? — так же тихо спрашиваю я.

— Куда? — спрашивает он тоном, в котором слышится нетерпение, и я чувствую, что с этой минуты приказывает он. — Мы должны унести ее отсюда.

Словно тени, огибаем мы конец деревни, снова проходим полем, снова прислушиваемся к безобразному лязгу танков, раздающемуся со стороны шоссе. И вот мы уже в парке. Идем, безшумно ступая по мягкой мураве, и вот... видим ее.

Они повесили ее на старом газовом фонаре, — так было проще, так им не пришлось тратить лишнее время. Ветер раскачивает труп, на фоне сизого неба чистое, обнаженное тело девушки кажется очень длинным, очень белым. Хотя лицо ее остается в тени, я все же ясно вижу его в своем воображении, — маленький прямой носик,

круглыми подбородок, родинку на щеке, немного крупный рот, длинные темные ресницы, отбрасывающие на щеки такие шаловливые, дрожащие тени. Они связали на спине ее маленькие загорелые руки, и поэтому особенно выпуклыми кажутся молодые девичьи груди, холодные, мертвые груди, с которых злые палачи сорвали одежду.

Кто-то приближается в сумраке, рассеянно напевая,— это часовой. Едва глаза мои различили его во мраке, как немец исчез: с невероятной ловкостью и быстротой Кристьян Лукк подполз к нему и, зажав ему рот своей тяжелой рукой, повалил наземь.

Дальше все происходит очень быстро. Я перерезаю беревку, и Кристьян Лукк принимает маленький, легкий труп на руки. Снова слышу его невнятное мычание и следую за ним на цыпочках. чтобы не шуметь, хотя знаю, что та, которую мы уносим, никогда больше не проснется.

На обратном пути останавливаемся лишь раз,— на том же островке среди болота, где приятель мой еще только вчера поведal мне свои мечты. Бережно положив свою ношу на мох, юноша говорит вдруг ясным, спокойным голосом:

— Ну, вот, Хельми, что же делать? Это — война. Но пусть не забудут и они, что это действительно война и что она еще не окончена.

Мы продолжаем наш путь. И я чувствую: рядом со мной шагает не мальчик, которому только исполнилось двадцать лет, а человек, выдержавший тяжелые испытания, человек, полный ненависти и жажды мести.

Да, это действительно война, и война эта действительно далеко еще не окончена.

РАДИ ЖИЗНИ

Ночью Анне-Майе спала беспокойно. Ее тревожил малейший возникавший поблизости звук: плеск воды о борт парохода, тихий плач детей, шопот матерей, старавшихся успокоить их. Кто-то встал и вышел из каюты, кто-то, измученный бессонницей, часто вздыхал, кто-то возился со своим узелком, и что-то металлическое со стуком упало на пол. Потом на лицо ее упала полоса солнечного света,— с каждой минутой она становилась все ярче и сильнее. Ночь прошла, начинался новый день.

Она окончательно проснулась и открыла глаза. В маленькой каюте было очень жарко. Тела дремавших матерей и спавших у них на коленях детей издавали легкий запах пота, и этот запах напомнил вдруг об иной обстановке, об иных утренних часах. И, несмотря на то, что Анне-Майе чувствовала себя еще очень усталой, в ней моментально проснулось желание выйти на свежий воздух, как бывало, когда еще жили все вместе в маленьком уютном домике, когда мысли их были обременены лишь крошечными заботами.

Анне-Майе слегка пошевелилась и разбудила Пирет. Девочка лежала, раскинувшись у нее на коленях; маленькие ножки ее свесились вниз; рот был полуоткрыт и чему-то улыбался во сне. При каждом вздохе светлая прядка волос на ее щеке шевелилась. И Анне-Майе, разглядывавшую своего ребенка, вдруг больно уколола мысль: что ожидает их, что принесет им новая жизнь... И когда-то она снова свидится с мужем, который остался там с товарищами, чтобы продолжать борьбу? Когда-то им придется возвращаться этой же дорогой, чтобы продолжать прерванную жизнь на родных, милых берегах, удалявшихся все больше и больше.

Веки Пирет медленно приоткрылись. Анне-Майе постаралась стряхнуть с себя тяжелые думы и наклонилась к девочке. Кончиками пальцев коснувшись ее лба, она весело спросила:

— Ну, как нам сегодня спалось?

— Хорошо, мама. Только... ножку очень светло.

— Ну-у, неужели светло ножку... — повторила Анне-Майе. Она обеими руками сильно и нежно приподняла девочку за плечи и посадила ее.

— Ой, мама, мы все еще на море? — спросила вдруг Пирет.

— На море, на море, а то где же?

— А сегодня к вечеру мы приедем на берег?

— Сегодня к вечеру? Наверное, нет.

— Значит, папа не может приехать к нам?

— Да, видно, не приедет, что ж тут поделаешь?

Пирет замолчала, — этот ответ не вполне удовлетворил ее. Некоторое время она разглядывала других детей, хлопотавших вокруг них матерей и бабушек, но это показалось девочке незанимательным. Она слегка надула губки и тихонько сказала:

— А я... не хочу, чтобы мы жили так. без него.

Анне-Майе молча вытащила из-под лавки корзинку и начала готовить бутерброды. Делала она это медленно, очень сосредоточенно. Кто-то из знакомых заговорил с ней, и она была рада, что можно снова беседовать о посторонних вещах. Закончив утренние дела, можно будет выйти из душной каюты на палубу, на свежий морской воздух, под ветер, который врывается порой сквозь открытую дверь даже сюда, в глубокую утробу парохода.

Держась за руки, они поднялись по лестнице. В самых дверях им повстречалась Хилья Калмет и сказала, хихикнув:

— Рыцарь твой уже там, уже ждет тебя. Не сомневаюсь, что он влюблен в тебя.

Майе недовольно пожала плечами. Сейчас ее просто оскорбляло легкомыслие бывшей школьной подруги. Глядя куда-то в сторону, она ответила недовольным тоном:

— Пора бы бросить, наконец, подобные глупости.

Когда Хилья, фыркнув, умчалась дальше, Пирет спросила:

— Что тетя тебе сказала? Кто ждет тебя наверху?

— Никто меня не ждет. Тетя пошутила, — ответила Майе.

Но все же этот незначительный разговор привел ее в смущение. Да, она и сама знала, — во взгляде, которым вчера провожал ее этот молодой незнакомец, видимо, недавно раненный, было не обычное любопытство, было нечто большее. Она почувствовала вдруг желание вернуться в каюту на свою узкую скамейку, так больно ей было сознаться в том, что Хилья Калмет не совсем ошиблась.

Но она все же продолжала свой путь и уже через минуту очутилась на палубе... Солнце еще не поднялось над горизонтом, но здесь, наверху, утро было в полном разгаре. Всюду, куда бы она ни взглянула, завтракали или умывались пассажиры. Женщины беседовали между собой, дети, успевшие привыкнуть друг к другу, бегали взад-вперед или тихо играли по укромным уголкам. Раненые в белых повязках, скучая, переходили с места на место, курили, время от времени прислонялись к поручням и смотрели на море или, собравшись в кучку поодаль от болтавших женщин, беседовали о покинутой родине или о горячих боях, в которых им пришлось принимать участие.

Анне-Майе и Пирет медленно прошли на переднюю часть палубы, — тут было свободнее, видимо, потому, что ритмическое покачивание большого корпуса госпитального судна здесь ощущалось гораздо сильнее. Резкие порывы ветра теребили платье женщины, дружески обнимая ее. Она взглянула в ту сторону, где, по ее мнению, осталась родина: интересно знать, далеко ли отъехали... И что-то странное, зловещее почудилось ей вдруг в монотонном шуме машины, в бесконечном, сливающимся с горизонтом водном просторе, где не на чем было остановиться глазу.

Внезапно — сй даже пришлось ухватиться рукой за поручень, — пароход накренился, резко свернул с курса, словно испуганное животное. И в тот же момент за ее спиной послышался тихий, словно извиняющийся голос:

— Не бойтесь, ничего опасного нет.

Анне-Майе быстро обернулась. Человек на костылях, без ноги, следивший за ней вчера своим большими карими глазами, стоял рядом. Блестящие темные волосы его были зачесаны назад, тонкие губы плотно сжаты. Худое лицо его и сегодня было задумчиво, даже несколько угрюмо. Он казался таким одиноким, нуждающимся в поддержке, что Анне-Майе — хотя она и сознавала, что сказать нужно что-то другое, — невольно спросила:

— Это... это вы?

Он как-то торопливо улыбнулся, — будто слабый отблеск солнца осветил опущенные углы его губ. Помедлив с минуту, он промолвил:

— Да... Я, вероятно, надоел вам своей навязчивостью.

— Нет, ничуть... — пробормотала Анне-Майе. И, стараясь загладить свою ошибку, живо спросила: — Почему мы изменили курс?

— Мы не меняли курса, мы только обошли опасное место, — ответил он просто.

Анне-Майе поняла:

— Мина?

— Да.

— Значит, мы находимся сейчас в опасной зоне?

— Скажите лучше, какую зону можно назвать сейчас безопасной?

Оба замолчали. Собеседник Анне-Майе, видимо, волновался. Поудобнее опершись на костыли, он стал ссыпать папиросу и произнес решительно, овладев собой:

— Я знаю, что поведение мое может показаться вам мальчишеским или... просто глупым. Не сердитесь, пожалуйста. Вчера, когда я впервые увидел вас и вашу

девочку, у меня появилось желание подойти и заговорить с вами. Вы ничего не имеете против?

— Нет... ничего... — сказала Анна-Майе.

Раненый затянулся несколько раз. Затем, прислонившись к якорю, он спросил тихо:

— Ну, как малышка — храбро переносит все это?

— До сих пор ничего.

— Да, им теперь пужно много мужества, этим гражданам будущего, — промолвил раненый.

— Правда, это действительно так.

— Супруг ваш остался там?

— Да.

— Воюет?

— Да, воюет.

Молчание. Раненый задумчиво произнес, наконец:

— Я знаю его, мы работали вместе, в одном наркомате. Вы-то меня, конечно, не знаете, но я знаю вас. Впрочем, сейчас все эти церемонии не существенны...

— Конечно... конечно... — пробормотала Анна-Майе.

Одноногий всей тяжестью тела оперся на костыли и подошел к самому борту. Анна-Майе последовала за ним. Они стояли теперь рядом, устремив глаза вдаль.

Пирет, до сих пор молча слушавшая взрослых, вдруг возбужденно спросила:

— Дядя, ты тоже был там... в истребительном батальоне?

— Был.

— А нашего папу ты там видел?

— Как же, видел, видел!

— А мама все плачет из-за папы. Разве папа болен?

— Нет, он совершенно здоров.

Девочка, повидимому, избавилась от мучивших ее сомнений — страх ее за отца мгновенно исчез. И сразу для нее приобрело интерес все, что видели ее глаза: далекий, пустынный горизонт, борозды на воде, становившиеся все глубже, чайки, гонимые ветром и время от времени молнией бросавшиеся в воду.

Молчание как-то уже слишком затянулось, и Анна-Майе спросила:

— А ваша семья еще раньше уехала?

Раненый ответил не сразу. Лишь после того, как Анна-Майе повторила свой вопрос, он промолвил неохотно:

— Нет, они остались там.

— Они поедут потом?

— Нет, они остались там... навсегда.

Молчание. И Анне-Майе, до которой не сразу дошел смысл этих слов, переспросила:

— Навсегда?

— Да.

Снова молчание. Вдруг раненый положил свою большую загорелую руку на руку Анне-Майе, лежавшую на поручнях, и стал рассказывать:

— У меня тоже была дочка, такая же, как и ваша... И жена... как вы. А теперь их больше нет. Товарищ, который был в одной палате со мной, побывал в тылу у немцев и видел. Они лежали там... вместе с другими... В вас, в вашем ребенке есть что-то схожее с ними... Я знаю, что это малодушие, но... пожалуйста, простите меня.

И, не сказав больше ни слова, он отошел от нее, — сгорбившись, опираясь на костыли. Анне-Майе провожала его взглядом, пока он не исчез среди толпившихся на палубе пассажиров.

Анне-Майе долго стояла так, вперив взгляд в морскую зыбь и раздумывая об услышанном. У нее было такое ощущение, словно ей пришлось заглянуть в темную, холодную глубину, откуда на нее повеяло ужасом, страданием. Почему мир пришел к такой пропасти, почему должно было случиться то, что случилось?.. Снова и снова перед глазами ее всплывали картины мирной жизни, мирного труда людей, которых уничтожают сейчас без всякой жалости, которых терзают тягчайшими муками.

Вздروгнув всем телом, она стряхнула с себя, наконец, оцепенение и медленно прошла по палубе. Ей вспомнились слова, сказанные недавно знакомым писателем, отправлявшимся на фронт: «Кровавыми слезами плачет сейчас наша маленькая родина, она кричит и стонет... Но мы победим, осушим кровавые слезы нашей родины, очистим нашу светлую землю от этого зверья...» И, повторяя про себя эту несколько патетическую фразу, Анне-Майе вспомнила с чувством раскаяния, как легкомысленно она относилась к событиям, когда они уже распростерли крылья над собственной ее судьбой.

Она нежно сжала теплую ручку ребенка и стала бесцельно прохаживаться по переполненной пассажирами палубе, ловя обрывки случайных разговоров, заговаривая со знакомыми. Время шло, и большой госпитальный пароход

продолжал свой путь. Солнце поднималось все выше. Облака, редкими белыми грудками разбросанные по высокому небу, казались сухими и знойными.

Пирет вдруг раскапризничалась. Анне-Майе подумала, что пора бы уложить ее спать.

Но как раз в тот момент, когда она собиралась ступить на ступеньку трапа, за спиной ее поднялся переполох. Анне-Майе мгновенно догадалась, что пароходу грозит какая-то опасность. Потом она услышала стук костыля, и знакомый голос произнес торопливо:

— Ничего, не надо пугаться. Самолеты. И, судя по всем признакам, немецкие...

Суматоха на пароходе все усиливалась. Причитая, пробежала, едва не сбив с ног Пирет, какая-то женщина: дети ее куда-то исчезли, и она никак не могла найти их.

Теперь и Анне-Майе расслышала этот ноющий, однообразный звук. Казалось, он шел из-за светлых облаков, откуда-то с севера. И когда Анне-Майе внимательно вгляделась, она рассмотрела их — четыре серых ястреба, спокойно приближавшихся к пароходу.

— Так вы думаете, что это не наши? — спросила Анне-Майе.

— Да, похоже, что нет, — ответил раненый. И через минуту добавил: — Одно ясно: они заинтересовались нами.

В этот момент крайний самолет отделился от других и ринулся вниз. В этом ястребином броске было что-то гипнотизирующее. На какую-то долю секунды жизнь на палубе, казалось, остановилась, и голос раненого казался в этом безмолвном ожидании беззвучным, когда он сказал:

— Пикирует. Главное — не теряйте самообладания.

Бросок самолета совершился, повидимому, очень быстро, но Анне-Майе показалось, что прошло не менее часа. Он спустился совсем низко, с оглушительным ревом, словно громадное сверкающее чудовище. В тот момент, когда самолет выравнился, от него отделились два черных предмета и с треском упали где-то за килем парохода.

— Мимо! — лаконически произнес раненый.

Пикировал и второй самолет, затем третий и потом и четвертый. Но бомбы попрежнему падали в море, поднимая громадные водяные столбы. Описав широкий полукруг, немцы снова вернулись к госпитальному судну, снова и снова налетая на него, пока взрыв не раздался где-то совсем рядом.

Пассажиры испуганно бросались во все стороны, кричали, на палубе появились раненые и убитые. Воздух

наполнился едким синим дымом, вскоре превратившимся в густое облако. Раздался новый взрыв, и железный корпус парохода вздрогнул, словно от сильной боли. В тот же момент в воздух поднялся большой желтый огненный столб, в котором можно было различить куски поручней, обломки досок и еще какие-то предметы. Анне-Майе увидела в гуще этого грозного, похожего на гигантский цветок, пламени... человеческие тела, вернее, части человеческих тел: руки, ноги, головы, два больших черных тела. И еще Анне-Майе с ужасной, беспощадной ясностью увидела маленькую девочку в ярком платье, летевшую прямо в воду. Она словно стояла в столбе дыма, пока новая воздушная волна не перевернула ее.

— Главное, не теряйте спокойствия! — повторял человек на костылях.

Затем на них набросилась огромная волна, и последнее, что увидела Анне-Майе, были огромные глаза ее спутника.

Анне-Майе схватила Пирет на руки, и толпа понесла ее к спасательным лодкам. Раздались слова команды; кто-то больно толкнул ее; какой-то страшный, непривычный звук дошел до ее сознания, и она торопливо подумала: «Пулемет!» Прямо рядом с нею упала женщина, забрызгав ее липкой, почти горячей кровью.

Первая лодка при спуске перевернулась. Никто больше не обращал внимания на уговоры моряков, потому что огненный шквал не прекращался, не прекращалось безумное убийство, казавшееся таким бессмысленным в этот ясный, летний день.

Анне-Майе с дочерью попали в третью лодку, которую удалось благополучно спустить на воду. Матросы, сидевшие на веслах, работали изо всех сил. Среди волн мелькали искаженные ужасом лица, маленькие темные головки, руки, старавшиеся ухватиться за что-нибудь.

Кое-кому из тонувших удавалось приблизиться к суденышку, и их втаскивали в лодку, пока еще она была способна держаться на воде.

Когда Анне-Майе оглянулась на пароход, средняя часть его уже была охвачена пламенем. Пассажиры столпились в носовой части и на корме. По мере того как обстреливавшие самолеты пролетали над пароходом, число людей на нем заметно уменьшалось. И вдруг дымящийся гигант накренился и перевернулся набок, сбросив в воду и тех последних, которые еще оставались на нем.

Сколько времени продолжалось это, никто не знал. И вдруг Анне-Майе, будто во сне, заметила, что вокруг стало тише. Только все ревели четверо хитрючков, поодиночке расстреливая тех, кого еще не успело проглотить море. Двое из них по нескольку раз налетали на удалявшиеся лодки, впрочем, не сумев причинить им заметного вреда.

И, наконец, над заливом воцарилась глубокая тишина, — немцы, наконец, удалились и вскоре исчезли за горизонтом. Все вздрогнуло от неожиданности, когда вдруг где-то совсем рядом послышался крик:

— Помогите! Помогите!..

Это была женщина, уцепившаяся за обломок бревна, она поддерживала перед собой на скользком бревне двух маленьких мальчиков. У нее были густые русые волосы, и светлые глаза ее блестели странным блеском, словно у самки, защищающей своих детенышей. Она кричала не переставая:

— По-мо-гите, товарищи! Спасите!

Старший матрос сказал сурово, не глядя ни на кого:

— Нельзя больше. Лодка и так переполнена.

— По-мо-гите! — снова закричала женщина.

И вдруг Анне-Майе услышала голос, заставивший ее оглянуться:

— Можно. Только придется освободить место. Гребите к ней, я готов.

Человек на костылях стоял в лодке, спокойный, как всегда. Он слегка повернул голову, и взгляд его встретился со взглядом Анне-Майе. И женщине показалось, что глаза его сейчас уже не так печальны, как раньше.

Старый матрос нахмурился и сказал сердито:

— Готов? К чему? К тому, чтобы прыгнуть в воду? Иначе ничего не выйдет.

— Вот именно, товарищ, к тому, чтобы прыгнуть в воду.

И вдруг, ласково улыбнувшись Анне-Майе, он выбросил костыли за борт и сам последовал за ними, быстро и сильно поплыв прочь от лодки.

А через несколько минут десятки рук протянулись и втащили в лодку три выкупленные человеческие жизни, для которых настанет лучшее будущее, скрытое пока за кровавым заревом гигантской борьбы.

Когда Анне-Майе, тихо плача, посмотрела вслед уплывавшему, тот был уже далеко.

«БЕСПОЩАДНЫЙ ГЕРОЙ»

В жизни ему не везло, и это невезение он со временем стал объяснять всеобщим недоброжелательством: все вставало ему поперек дороги, никто не сумел оценить его по достоинству. Так росли в нем тайное человеконенавистничество и жажда мести. Молча, угрюмо выжидал он, когда ему удастся, наконец, добиться своего. В конце концов так и получилось. Перед ним вдруг открылись головокружительные перспективы, и теперь он мог сказать с полным удовлетворением: и для меня пришла пора под'ема в году.

Начало его преуспеянию было положено на третий день пребывания немцев в городе. Бывший сослуживец, когда-то работавший рядом с ним, за одной банковской конторкой, порекомендовал ему держаться поближе к новым хозяевам. Он обеими руками ухватился за представившиеся ему возможности, в лихорадочных мечтах рисуя свое будущее: вот он, большой и важный, наравне с сильными, беспощадными завоевателями, вершит судьбы своей родины.

Зиму он прослужил в городе. Чем сильнее чувствовалось молчаливо-враждебное отношение к нему и к его усердным компаньонам, тем больше злорадствовал он, читая во встречных взглядах эту враждебность. Ну и пусть смотрит исподлобья, пусть косится эта проклятая масса, которой, наконец, раз и навсегда указали ее место. Особенно же обрадовался он, когда его откомандировали в родные места, — с некоторыми тайными заданиями, о которых никто не должен был догадываться.

И вот он уже второй месяц находится в этом округе, за зиму ставшем очень беспокойным. Он всем объяснял, что забрался в эту глушь с целью поправить пошатнувшееся здоровье, на самом же деле — для того чтобы видеть и слышать все, что здесь происходит. Это по его указанию была ликвидирована хозяйничавшая в соседней волости партизанская группа, то и дело совершавшая диверсионные акты; это он обратил внимание властей на подземные хранилища в укромном уголке возле болотистого перелеска, куда крестьяне успели свезти и спрятать довольно большие запасы зерна и муки. Да и сегодняшняя расправа, — разве это не результат его неутомимой, обостренной наблюдательности, его умения объединять на первый взгляд совершенно обособленные факты и делать вы-

коды из мелочей, кажущихся обыкновенному человеку ничтожными, не стоящими внимания.

Вот он стоит перед горящим домом, довольный совершенным, и красноватое пламя освещает его приземистую фигуру, его круглое лицо и невыразительный, дряблый подбородок, вздрагивающий время от времени, словно от резких жевательных движений. Его не покидает пьянящее ощущение собственного могущества, ему чудится, что он растет, становится еще выше, еще массивнее, чем хотя бы этот, стоящий напротив здоровенный офицер в зеленовато-сером мундире.

Он расправил плечи, засунул руки в карманы, расставил ноги. Хотя он смотрел прямо перед собой, притворившись, будто не интересуется ни хохочущими автоматчиками, окружившими пожарище, ни согнанными сюда крестьянами, он все же ясно, отчетливо видел и тех и других.

Негромко трещали обуглившиеся бревна, ветер шелестел в невидимых за вечерними сумерками кустах сирени, то там, то здесь время от времени раздавалось робкое покашливание. И трупы расстрелянных, лежавшие в кустах смородины, выступали из синющего сумрака, лишь когда ярко вспыхивало пламя, неровно освещая худые босые ноги женщины и обутые в тяжелые сапоги, как-то странно подогнутые в коленях ноги мужчины, словно обладатель их решился во что бы то ни стало продолжать свой путь.

Затем стемнело совсем. Виновные получили свое. Сурово, беспощадно был наведен должный порядок. И когда вокруг тлеющего пожарища стало совсем свободно, — постепенно разошлись и каратели, и те, на кого должна была повлиять расправа. Не спеша зашагал и он, стараясь держаться поближе к толпе знакомых крестьян, узкой тропинкой, протоптанной по пастбищу среди густой росистой травы. Но он не успел догнать их: кто-то, стоявший возле дороги и, видимо, поджидавший его, тихонько окликнул:

— Хано, братец! Это ты?

Он обернулся, приостановился, хотя подобный оборот дела ему не особенно понравился. Но, будучи человеком, умеющим извлечь выгоду из любого положения, он подумал: «Ну, что же, может быть удастся, хотя бы стороной, узнать о настроениях, вызванных сегодняшними событиями». И, слегка улыбнувшись одними уголками губ, неторопливо ответил:

— Да, это я.

— Домой направляешься?

— Домой.

— Вот и хорошо, пойдём вместе.

Некоторое время они шли молча. В тишине наступающей майской ночи слышался лишь однообразный крик коростеля, все время хитро менявшего место он слышался то слева, то где-то впереди справа, то совсем далеко, оттуда, где потонул в сумраке ольшаник.

Вдруг старший брат сказал, словно нарочно растягивая каждое слово:

— Да, жалко, но люди, право, легкомысленны. Все еще не могут понять, что сейчас война, а война — не игрушка.

Маленький, кругленький человечек одобрительно закивал головой: правда, его, как сильную личность, мало трогало мнение окружающих, но все же приятно было сознавать, что даже в здешней враждебной среде находятся люди, которые оправдывают не одних только наказуемых. И, невольно прибавив шаг, он заговорил с неожиданной для себя самого словоохотливостью:

— Не правда ли? Ничего не желают понимать! Ни малейшего представления о новом порядке. А так нельзя. Борьба, происходящая сейчас, значительна и серьезна, хотя некоторые и считают ее игрой и... занимаются разными шуточками. Ну, а в таком случае уж приходится пускаться в ход строгость.

— Да, это верно, — сказал старший брат.

Но маленький, кругленький человечек, не дав ему досказать, продолжал с еще большим жаром:

— Взять хотя бы сегодняшний случай. Тебе-то известно, что я лично никогда не принимал активного участия в политике — я хочу только спокойно делать свое маленькое дело, а там уж пусть мир занимается своими великими делами без меня. Но беспорядка я не терплю, потому что дисциплина является великим фактором жизни. А немцы умеют насаждать дисциплину и соблюдать ее. Ненужная, глупая жалость ничего, кроме вреда, не принесет. Виновные поддерживали связь с партизанами, доставляли им пищу, да, вероятно, и нужные сведения. Их обнаружили, схватили. Ясно — это красные, то есть противники нового порядка. Сердобольные будут, конечно, проливать слезы, но мы-то, разумные люди, скажем лишь одно: с виновниками поступили по справедливости. Не так ли?

— Ясно!

— Жалость к врагу, это — слабость и больше ничего. В настоящее время мало быть просто героем, в настоящее время нужно быть... беспощадным героем. Не так ли, братец?

— Вот именно.

Маленький человечек нервно засмеялся и вдруг замолк, смутно почувствовав, что, пожалуй, зашел слишком далеко в своей неуместной словоохотливости. Он искоса бросил взгляд на старшего брата. Но разве мог тот, в чьих жилах текла кровь одной с ним матери, думать иначе! И снова, как-то отрывисто, возбужденно хохотнув, он продолжал:

— Ворчат: жестокость, грубость и чорт еще знает что. Глупости! Война есть война! Если нужно — приходится уничтожать; если нужно — убивать. В настоящее время ясно, что кровопускание полезно для нашей расы. Ну и что же — пусть прольется кровь. Совесть? Чепуха! Сострадай. Чепуха! Это хорошо только для ничтожных, слабых. Сильный совершает поступок и не раскаивается в нем. Люди чистой расы не возятся со своей душой, как это делают некоторые другие, которые... между прочим...

Старший брат, уловив момент, когда говоривший, переводя дыхание, запнулся, сказал:

— А ты, кажется, усердный приверженец теперешних порядков, хоть и говоришь, что никогда не принимал активного участия в политике. Но сейчас... должно быть, все же принимаешь?

— Я?.. Что ты!.. Иногда приходят разные мысли, только и всего, — пробормотал младший брат.

На минуту они замолчали.

Пора уже было сворачивать налево, к деревне. Но старший брат почему-то направился прямо к болотистому перелеску, заметив тоном, не допускающим возражений, словно это уже было решено обоими:

— Я там, на лугу, оставил мерина. Надо взглянуть на него. Домой вернемся уже по шоссе, — оно и безопасней. — И, поспешно возвращаясь к прерванному разговору, он продолжал: — Да, ты, должно быть, прав... Думаю, что так, хотя я еще меньше принимаю участия в политике, чем ты. Именно так... Война есть война. Если нужно, приходится убивать, если нужно — истреблять... Приходится убивать в интересах правого дела даже тогда, когда сталкиваешься с родным братом...

Молчание. Высокий, худой человек не спеша пососал трубку, повидимому размышляя.

А младший брат подтвердил еще раз с силой, делая ударение на каждом слове:

— Именно! Даже тогда! Даже в этом случае!

Но тут с ним случилось нечто страшное, нечто похожее на стон: какая-то грубая, страшная сила зажала ему рот, словно железным поясом прихватила руки, так что он буквально не мог сделать ни одного движения. И полный месяц, уже выглянувший из-за густых деревьев, осветил продолговатое, худое-худое лицо брата Яна, задумчивое и спокойное, такое спокойное, что страшно стало.

Братья молча смотрели в глаза друг другу. Пойманный предатель всем существом своим почувствовал, что ему нет надежды на милость, на пощаду. Словно откуда-то издалека до него доносился спокойный голос:

— Лучше не пытайся вырваться, это все равно бесполезно. Шагай за нами, так-то будет лучше. Иначе — сам понимаешь: твои друзья так близко, что нам пришлось бы... прикончить тебя холодным оружием.

И, обратившись к трем товарищам, которые быстро связывали схваченного, он добавил:

— Торопитесь. С этой историей надо кончать поскорее.

Дальше все пошло очень быстро. Маленькому предателю с дряблым подбородком от быстрой ходьбы по лесу, среди зыбких теней, казалось, будто земля качается у него под ногами. Хотя ночь была ветреная, ему сделалось жарко. Его поддерживали, подталкивали, и все же ноги его словно прирастали ко мху. И вдруг, будто над ним внезапно пронеслась буря, он весь затрясся от страшной слабости, колени его подогнулись.

— Ты... больше не можешь? — услышал он знакомый голос, похожий на голос отца — где-то в далеком-далеком детстве, — убеждавший его или упрекавший за какой-нибудь проступок. И он пробормотал жалобно, еле слышно, хотя кляп уже давно был вынут у него изо рта:

— Да... да... брат... братец... Я больше не могу.

И тот же деловитый голос ответил ему еще более спокойно, устрашающе спокойно:

— Хорошо, дальше и не нужно, можно и тут.

Остановились. Он сам не заметил, как это случилось: он уже стоял на коленях, бормоча просьбы о пощаде, быстро срывавшиеся с его пересохших губ, словно выталкиваемые изнутри какой-то силой. И он не перестал бормотать их даже тогда, когда его начали допрашивать:

— Так это ты с самой весны выслеживаешь нас и выдаешь немцам?

— Нет, не я, не я... Это недоразумение... братец... — бормотал он.

— Врешь! Признавайся! — жестоко сказал старший брат.

Но он все еще пытался отрицать:

— Нет... не я, не я...

Еще раз наступило короткое молчание, показавшееся ему грозным и долгим. И затем старший брат сказал:

— Напрасно ты отпираешься. Мы все знаем. И ты достаточно понятив, чтобы сделать отсюда выводы. Песенка твоя спета... хотя и родила нас одна мать. Если бы она была жива, то ни в коем случае не стала бы отводить мою руку. Да ты сам только что хвалился: если нужно, приходится убивать. По твоему указанию здесь уже убито пять человек. И ты знаешь, как они умирали. Чего же ты пресмыкаешься?

Голова предателя задрожала, он еще ниже пригнулся к земле, — он стоял теперь почти на четвереньках. И, подхлестываемый последней надеждой, он почти прокричал свое признание:

— Да... я виновен... Но меня заставили!.. Простите, простите, я больше не буду.

Он заплакал в голос, прижавшись щекой к мокрому от росы голенищу чьего-то сапога, но сапог мгновенно отдернули, словно из боязни испачкать его.

И высокий худой человек сказал мрачно:

— Встань, не позорь себя... По крайней мере в последнюю минуту, — и добавил, обращаясь к своим товарищам: — Подождите здесь. Это мой позор, я сам его и смою, без чьей-либо помощи.

Они исчезли во мраке леса, и через минуту все было кончено.

Майская ночь, словно освободившаяся от чего-то ненужного, дышала теперь покоем и чистотой. Поля покрылись нежным белым туманом. И туман этот слегка пахнул дымом: там, где были развалины только что сожженного дома, все еще виднелся желтоватый отблеск тлеющих углей.

СОДЕРЖАНИЕ

Сын партизана	3
В июльский день	11
Пробуждение	17
Первая любовь	25
Ради жизни	32
«Беспощадный герой»	41

Редактор *З. Кульманова.*

Подписано к печати 9/VII 1943 г.

Тираж 10000

1,5 печ. л. 2,85 уч.-авт. лист.

А488. Зак. № 100

Цена 1 руб.

2-я тип. изд-ва «Московский большевик»,
Москва, Петровка, 17.

1 руб.